

Люди

Рубрику ведет
Евгения РУБЦОВА

Молитва о мире

**Геннадий
ДОВРОВ.****66 лет.****Живет в Москве.
Художник**

...Уже утром зной в Грозном стал просто невыносимо настырным, всепоглощающим, таким, что, казалось, на город опустилось вязкое облако, которое можно потрогать рукой. В этой жаре балом правила духота. В самом центре столицы Чечни, под солнцем у обычной развалины, заросшей травой, на миниатюрном складном стульчике сидел седой человек в кепке. Мимо проезжали автомобили, и люди, как всегда спешившие по своим делам, смотрели на этого человека у причудливой конструкции — кусков кирпича, дырявых листов железа и треснувших балок. Пожилой человек очень долго смотрел на остатки дома, в котором раньше жили люди. Когда-то этот дом отмечал свой день рождения, а потом наступили черные времена — в дом, который дарил людям только тепло и уют, попал снаряд, затем его нашла бомба, и от здания остались лишь две стены и кусочек крыши. Но седовласый человек почему-то приходил на это место несколько дней и все вглядывался в руины. Так проходили часы: под палящим солнцем на полотне рядом с человеком вырисовывался тот самый дом, а вернее то, что от него осталось. Вскоре добрая половина Грозного уже знала — в городе работает художник из Москвы. Люди стали подходить к седовласому художнику, здоровались. Интересовались его работой, предлагали воду, жали руку, фотографировали. Местные журналисты брали у немногословного художника интервью...

Что привело художника Доврова в Чечню? «Здесь каждый день что-то происходит, и ты чувствуешь это. Ты находишься в самом центре событий. Для художника это так важно, — говорит Геннадий Довров. — Это наша страна, это касается всех нас. Ведь художников очень часто упрекают в камерности. Дескать, рисуют они свои сарайки на даче, да жен и своих родственников...»

Геннадий Довров — личность удивительная, уникальная. Человек, который собой — всем своим видом, поступками и мировоззрением олицетворяет мир, спокойствие, искусство, а на самом деле так связан с войной, что она проходит через всю его творческую жизнь. У Доврова сейчас около 250 работ — рисунков в карандаше, которые он представил в Академию художеств России. Среди них особое место занимает уникальная серия под названием «Листы скорби». Она была начата еще в 1973 году

Текст Юрия КОТЕНКА, фото Юрия ТУОВА

на острове Валаам. «Приехал на Валаам я по совету своего профессора академика Кибрика, который сказал просто: «Езжайте туда, вы — человек сердечный, и ваши работы будут иметь общественное значение». Так я стал рисовать ветеранов-инвалидов Великой Отечественной. И эти люди поразили меня. Их отличало особое спокойствие и достоинство, чувство выполненного долга. И я понял, увидел, что могу поучиться у этих людей многому...»

«Листы скорби», появившиеся на Валааме, стали только началом. Довров стал творить в интернатах. Обездрил 35 (!) домов-инвалидов в стране и сделал около 40 рисунков. Хотя отношение к его работам было соответствующим эпохе. Скорбные портреты инвалидов войны, убогих и покаленных людей совсем не вписывались в благополучную лубочную картину развитого социализма, который заботился о тех, кого искалечила война. Власть пошла по проторенному пути, просто запретив Доврову проводить выставки. Шли годы, но табу номенклатуры давило на художника тяжким грузом, порождая сомнения в его душе... Так продолжалось целых шесть лет — рисунки с натуры были не доступны людям. Но вдруг случилась перестройка...

«Мне разрешили выставлять работы. На одну из выставок мой знакомый журналист-международник привел немецкую писательницу Эленору Грумберг. Она увидела

мои рисунки, заплакала, все повторяла: «Это должны видеть во всем мире», — вспоминает Геннадий Довров. И, как случается у нас, от полного непонимания, опаски, государство проявило заинтересованность в творчестве Доврова. Несколько выставок, которые были организованы по инициативе МИД для работников иностранных посольств, имели довольно широкую огласку. Доврова признали и заметили прежде всего за рубежом. В Москве стали издаваться буклеты художника.

Серия «Автографы войны» была нелегка для восприятия, но художник решил обратиться к еще одной скорбной теме. Довров замыслил серию рисунков бывших фашистских концлагерей. Помогли ему в одном отечественном банке, и целый год он работал в Польше, затем в Чехии и Германии. Создал серию рисунков «Реквием», ставшую свидетельством страшных преступлений нацистов во время войны. В Европе экспонировались изображения концлагерей — Майданека, Освенцима, Ламсдорфа, Заксенхаузена и многих других. Эта серия была выставлена и в Госдуме России.

И снова война наложила свой отпечаток на творения Доврова. ...Художника манил Афганистан — еще один кровавый прагм на теле земли. Свыше 16 тысяч погибших наших солдат и офицеров. «Я понял, что просто обязан быть там, когда узнал, что в ходе боевых действий там по-

гибло около 1,5 миллиона афганцев. Обратился в «Красную звезду». Поначалу меня не поняли, сказали, что наши войска уже вышли оттуда. Но мои аргументы все-таки возымели действие. Так посадили на военный самолет», — говорит Довров, побывавший в Афганистане пять раз. Приезжал туда и по приглашению президента Наджибуллы.

В Афганистане Довров рисовал обожженных и раненых, получивших увечья афганцев. На подавляющей части рисунков — дети. «Удивительное дело: рисуя там, я почувствовал необыкновенную доброту афганцев. Это выражается во всем. При встрече афганец даже улыбается и говорит что-то особенное, приятное стремится сделать». Довров рисовал Ахмад Шах Масауда, получил от него разрешение, благодаря которому мог свободно перемещаться по провинциям, контролируемым Северным альянсом. Посетил с проводником заминированный тоннель на перевале Саланг, когда он был еще заминирован. Еще одна емкая характеристика афганцев от мастера Доврова: «Отчаянные они люди...»

Результатом поездок в раздираемый гражданской войной Афганистан стала серия, которая называлась «Молитва о мире». Довров признается, что его не интересовало, на чьей стороне воевали эти пострадавшие люди. Они вызвали у русского художника чувство искренней, глубокой жалости.

...Первый раз в Чечню он

попал в благополучные советские времена. Как говорит, приехал, чтобы специально посмотреть горы. Горцы просто поразили Доврова с самого начала...

«В горы я приехал под вечер. Меня спросили старики: «Ты зачем приехал?». Я ответил: «Дадим тебе смирную лошадь, ты ее сильно не гони. Она тебя доведет. Там, в горах, у нас брат живет. Он тебя обратно привезет». Так я и поехал. Лошадь оказалась спокойная, как я ее ни пинал, двигалась только шагом. Добрался я до места ночью. Вокруг звезды. Вышел встречать хозяина, тот самый брат. Говорит, не спрашивая ни имени, ни фамилии, вообще не задавая вопросов: «Узнаю свою лошадь. Слезай, будешь кушать». Я зашел в саклю. В комнате полным-полно детей. Здесь же очаг. Картошка с мясом жарится на сковороде. Передо мной поставили еду: «Кушай, ты устал с дороги». И здесь никто ни о чем меня не спросил. Я ел в темноте, на столе горела свеча, а на стене отобразилась тень хозяина — шла молитва. Я спросил у чеченца, о чем он молился. И этот ответ запал мне в душу, я до сих пор помню каждое слово: «Молюсь за тебя, что ты приехал. Ты гость, и это для нас радость».

Знаете, эта картина и сейчас стоит у меня перед глазами. Такого отношения к себе я больше не встречал.

...Обратно ехал на той же тихой лошади. На полпути встретил чеченцев, которые меня отправляли в горы. Думали, что я уже в Грузию махнул.

«Это доброта сказывалась во всем. Причем люди вели себя одинаково, не сговариваясь. Горцы стали угощать погостить еще. Но мне надо было собираться в Москву. На что старики ответили так: «Если бы счастье было в скорости, то самым счастливым был бы заяц».

В Чечню сегодняшнюю, послевоенную, хлебнувшую горя Довров ехал целых три года. Написал гору писем-прошений, собрал немалую гору отказов — от чиновников в погонах из Минобороны. Доврова пускать в Ханкалу отказывались категорически, приводя уйму причин. Дошло до того, что сами офицеры сказали как-то Доврову, мол, издается начальство над вами, за нас водит.

«Знаете, отношением к людям, чуткостью афганцы и чеченцы очень похожи. Внимательность к окружающим у чеченцев удивительная. Она такая же, как у афганцев. Я думаю, что это два народа, которым во многом удалось сохранить в чем-то даже детскую чистоту, — говорит Геннадий Довров. — Все в мире взаимосвязано. Возможно, из-за этого и проблемы возникли именно у этих народов...»